

МЕАТО

СБОРНИК СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ

Всероссийское Театральное Общество
Москва 1943

Антон Павлович Чехов

(1904 — 1944)

В течение сорока лет, прошедших со дня смерти великого русского писателя, интерес к нему, к его творчеству не только не ослабевал, но увеличивался. В наше время советское литературоведение много сделало для того, чтобы оградить творчество Чехова от неверных истолкований, снижавших значение философских идей писателя. Эти ложные истолкования вытекали главным образом из попыток приписать самому Чехову высказывания и чувства его персонажей, отождествить их мировоззрение с мировоззрением писателя. Отказ от этих неправильных попыток, а также новая и более объективная интерпретация чеховских персонажей позволили раскрыть всю глубину, значительность и близость нашему времени чеховских идей.

Советской театральной общественности Чехов особенно близок как замечательный драматург, внесший значительные изменения в русскую литературу и в русский театр, драматург, положительно повлиявший на Горького, а через него — на советскую драматурию.

Чехов начал писать пьесы в тот момент, когда русская драматургия переживала серьезный кризис. Великие классики русского театра — Грибоедов, Гоголь, Островский — считались «устаревшими», репертуар не только провинциальных, но и столичных театров был наводнен произведениями эпигонов — крыловых, потехинных, шпажинских и многих иных (это еще «звезды» первой величины), имена которых навсегда забыты. Большинство этих произведений было или на грани халтуры, или откровенной халтурой. Авторы этих пьес прежде всего заботились о том, чтобы придать своим произведениям театральность, т. е. такую сюжетную занимательность, которая все время вызвала бы у зрителя вопрос: «Что же будет дальше?». Сенсационность темы тоже относилась к театральности. Содержание пьесы такому «драматическим делам мастеру» было сравнительно безразлично. Он не останавливался даже перед плагиатом, русифицируя перевод ловко скроенных иностранных пьес. Ни глубина идей, ни правдивость и тщательная разработка психологии героев, ни живость и выразительность языка — ничто из этих моментов подлинного искусства не интересовало «драмоделов». Они всё готовы были отдать в угоду занимательности. Кризис театра побудил Чехова остро поставить проблемы театрального искусства.

Пьеса «Чайка» показывает, как близко принимал к сердцу А. П. Чехов вопросы театра и драматургии, как внимательно присматривался он к новым течениям, благожелательно относясь к попыткам новаторства, если они могли хотя бы в какой-то мере внести живую струю в становящуюся затхлой атмосферу театра.

Сам А. П. Чехов в своих пьесах продолжал лучшие традиции русского реалистического театра, раскрывая новые, прогрессивные принципы театральной и жизненной правды. Ему претила пресловутая «театральность», готовая во имя занимательности пожертвовать самым ценным, что может быть в драматургии, — идеей,

психологией героя и языком произведения. Формулируя те требования, которые надо предъявить драматургии, Чехов, может быть в шутку пресловутой театральности, подчеркивает необходимость показа на сцене самых обыкновенных вещей, случающихся каждый день и исключаящих «событийность» и «театральность». «Пусть на сцене все будет также сложно и также вместе с тем просто, как в жизни. Люди обедают, только обедают, а в это время слагается их счастье и разбивается их жизнь». Эта формула вовсе не обозначает, что Чехова интересовали маленькие, незначительные события. Но, присматриваясь к эпигонствующей драматургии, Чехов боялся, как бы внешняя занимательность сюжета не отвлекла внимание от значительных событий внутреннего мира, не заслонила человека и философской мысли о человеке. Эту черту чеховской драматургии высоко оценил А. М. Горький, как только познакомился с пьесами Чехова, и сразу сделался их горячим поклонником. Горькому было близко умение Чехова—отталкиваясь от конкретных простых фактов, подниматься до высот философских обобщений.

Философские обобщения чеховских пьес во многом созвучны нашему времени. Особенно сочетание сатирического отношения к худшим сторонам жизни с мечтами о прекрасном будущем, уверенность в нем, как в реальности, как в том, что обязательно осуществится.

В монологах героев своих пьес: Вершинина, Астрова, Тузенбаха, сестер Прозоровых, Пети Трофимова и других, Чехов дает картину страшного прошлого—картину постепенного вырождения, непосильной борьбы за существование, косности, невежества, отсутствия самосознания, «когда озябший, голодный, больной человек, чтобы спасти остатки жизни, чтобы сберечь своих детей, бессознательно хватается за все, чем можно утолить голод, согреться, разрушает все, не думая о завтрашнем дне» (Астров).

В этих монологах бичуются интеллигенты, мелко мыслящие, не видящие дальше своего носа, излишне рефлектирующие, интеллигенты, у которых возвышенный образ мысли дисгармонирует с их маленькими делами, с их нечутким и неделикатным отношением к людям.

Близкие Чехову герои понимают, что за страшное прошлое нашей родины они несут ответственность. «Подумайте, Аня, — говорит Петя Трофимов в «Вишневом саду», — ваш дед, прадед и все ваши предки были крепостники, владеющие живыми душами, и неужели с каждой вишни в саду, с каждого листка, с каждого ствола не глядят на вас человеческие существа, неужели вы не слышите голоса. О, это ужасно, сад ваш страшен, и когда вечером или ночью проходишь по саду, то старая кора на деревьях отсвечивает тускло и, кажется, вишневые деревья видят во сне то, что было сто, двести лет назад, и тяжелые виденья томят их».

Идея творческого труда у Чехова родственна нашему мировоззрению. Продолжая и углубляя чеховскую традицию, учась у классиков марксизма и у рабочих-революционеров, Горький делает тему труда центральной темой своей философии и своего художественного творчества. Но и у Чехова тема труда звучит гораздо ярче, чем кажется тем критикам, которые не видят в искусстве великого писателя активно-жизненного начала.

О необходимости труда говорят многие чеховские герои. Труд в их сознании очищается от привкуса неприятной принудительной тяжести. Труд светел, приятен, легок и с радостью принимается. Он становится поэтичным и поднимается на ступень искусства. И это не потому, что труд легок сам по себе, но потому, что с помощью его перестраивается мир и жизнь и люди становятся лучше. И каждый человек должен, готовясь к будущему, «видеть и знать больше, чем видели и знали его дед и отец». Искупить прошлое можно, по мнению Пети Трофимова, не философствованием, не жалобами на тоску, а «только необычным, непрерывным трудом».

Только так можно искупить страшное прошлое: не бесплодными lamentациями о нем, но его активной переделкой, чтобы раз навсегда исключить возможность его возврата и избавить человечество от страданий.

В этом правда жизни и творчества человека, в этом его счастье. Надо ~~отказаться~~ от иллюзий, что возможно построить прочное личное счастье вне задач ~~общественно~~ творческого труда. Чеховские герои, такие, как три сестры, Тузенбах. ~~Вершинин~~ и другие, много страдают от разрушенных иллюзий, но приходят к правильным ~~мыслям~~ о жизни и к оптимистическому ощущению ее.

«Человечество идет к высшей правде, к высшему счастью, какое только возможно на земле»,—и Чехов, как никто, умеет мечтать сам и заставляет других верить в реальность своей мечты о прекрасной жизни, которая будет «лет через сто, через двести—дело не в сроке». Чехов умеет внушить сознание необходимости порвать с узким мирком индивидуалистических интересов, освободиться от них и строить широкий мир реальной мечты, включающей прекрасное будущее. «Если у вас есть ключи от хозяйства,—говорит Петя Трофимов Ане,—бросьте их в колодезь и уходите. Будьте свободны, как ветер». Тузенбах, как бы предчувствуя новую эпоху в жизни человечества, пророчески говорит о том, что надвигаются события, которые сдунут с человека лень и повернут его к творческому труду.

Своеобразие драматургической и театральной композиции чеховских пьес раскрывают печатаемые в этом сборнике отрывки из талантливой монографии покойного театроведа Роскина, посвященной анализу «Трех сестер».

Следует сказать еще несколько слов о необходимости разумного, бережного отношения к театральной традиции постановок чеховских пьес. Советский театр переживает сейчас период повышенного интереса к чеховской драматургии. И чеховские юбилейные дни, и проведенный недавно смотр русской классики способствовали тому, что большое количество советских театров ставили «Дядю Ваню», «Трех сестер», «Чайку», «Вишневый сад». В смотре русской классики одно из первых мест занял Свердловский театр, одержавший победу постановкой «Дяди Вани» (режиссер Бриль). В некоторых случаях театр впервые знакомил зрителя с драматургией Чехова, а актеры впервые за время своей артистической деятельности играли Чехова. Как обогатился внутренний мир зрителя, знавшего Чехова только по чтению, как обогатилась творческая палитра актера в результате участия его в чеховских спектаклях!

Тем большая ответственность ложится на советский театр за правильность сценической интерпретации чеховских пьес.

Надо вносить поправки, и часто существенные, в традицию сценического исполнения, ища нового идейного звучания, более отвечающего чеховской философии, объективно заложенной в образах пьесы. Но нельзя новаторство превращать в самоцель; необходимо избегать такого «новаторства», которое было в пресловутых новых постановках «Вишневого сада», где режиссеры в поисках нового жанра, в стремлении во чтобы то ни стало превратить «Вишневый сад» в сатирическую комедию искажали до неузнаваемости авторские образы, лишая пьесу присущей ей поэтичности. Надо учиться у Вл. И. Немировича-Данченко мудрому отношению к традиции: в своей постановке «Трех сестер» он сумел объединить поиски нового идейного звучания с сохранением всего ценного, что было в старом спектакле.

Подчеркнув в чеховском драматургическом творчестве сочетание последовательной критики всего старого и отжившего с реальной мечтой о новой прекрасной жизни, жизни творческого труда, сохранив чеховскую лирическую поэтичность,—советский театр поможет чеховской драматургии начать новую жизнь на сценических подмостках и принять активное участие в борьбе со страшным врагом, идейно вооружая наших людей чеховской мыслью, подлинно гуманной и подлинно патриотичной.

М. Григорьев.